

свидетельствуют легенды XIV—XV вв. о том, как Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский, Александр Свирский видели видения, когда они читали Акафист богородице.¹¹

Акафист богородице вошел и в первые печатные книги. В 1491 г. он был издан в Кракове в Триоди постной, в 1495 г. в Цетинье, в Черногории, в 1525 г. в Вильне, в «Малой подорожной книжице» доктора Скорины.¹²

Торжественное богослужение, связанное с чтением и пением Акафиста богородице, сначала совершалось только в Константинополе, но с IX в. вошло в уставы монастырей св. Саввы и Студита и распространилось по всей восточной церкви. Служба была приурочена к утрени субботы пятой недели великого поста.¹³ Сама суббота была названа праздником «Похвалы богородицы».

На Руси служба с Акафистом еще в XVI в. отправлялась в разных местах несколько различно, но везде торжественно. В Кирилло-Белозерском монастыре чтение происходило на середине храма. Настоятель и другие священники облакались в «большие постные ризы». Первый кондак «Взбранной воеводе...» оба клира пели вместе, выходя на середину церкви, а настоятель в это время кадил все иконы и присутствующих в храме. В Сийском монастыре священник читал Акафист в алтаре, а на середину храма ставилась зажженная свеча на высоком подсвечнике, с которого свешивалось кадило «с благовонными каждениями».¹⁴

Акафист — торжественное славословие богородицы — должен был приобрести особенное значение на Руси в XV в. В годы успешной борьбы с татарами и свержения татарского ига напрашивались аналогии между Москвой и Константинополем, татарами и аварами. В это время культ богородицы распространяется особенно широко. Появляется большое количество богородичных икон и храмов.

Акафист, толковавший сущность христианского учения, удовлетворял вызванному еретическими движениями XIV—XV вв. стремлению критически осмыслить изложенные в Евангелии события. Интересу к Акафисту должна была способствовать его созвучность русской литературе XIV—XV вв. Для литературы того времени характерно стремление «найти общее, абсолютное и вечное в частном, конкретном и временном, несущественное в вещественном, христианские истины во всех явлениях жизни».¹⁵ То же самое характерно для Акафиста. В литературе Древней Руси XIV—XV вв. замечается повышенное внимание к форме. Стиль Акафиста, возможно, оказал влияние на «плетение словес» житийной литературы XIV—XV вв. Так, совершенно в духе Акафиста Епифаний Премудрый говорит о Дмитрие Донском, что это «бана моущимся от скверны, гумно чистоты, труба спасения, стена нерушимая».¹⁶

Таким образом, политические события XV в., идеологическая борьба этого времени и литературные искания эпохи сделали актуальным Акафист — произведение, известное еще в Киевской Руси.

Живописный цикл на тему Акафиста дошел до нас в греческих и южнославянских миниатюрах XIV в. и в росписях храмов Греции и Сер-

¹¹ А. Попов. Православные русские акафисты, стр. 469—470.

¹² Там же, стр. 36.

¹³ С. И. Пономарев. Акафисты, стр. 6—7; А. Петровский. Акафист.

¹⁴ А. Дмитриевский. Богослужение в русской церкви в XVI в., ч. 1. Историко-археологическое исследование. Казань, 1884, стр. 201—203.

¹⁵ Д. С. Лихачев. Культура Древней Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.—Л., 1962 (далее: Д. С. Лихачев. Культура...), стр. 53.

¹⁶ Цит. по: Д. С. Лихачев. Культура..., стр. 69.